

Проблемы нарратива в романе К. Гамсуна «Последняя отрада»

Капралова Наталия Николаевна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Роман Кнута Гамсуна «Последняя отрада» был создан в 1912 г. и является последней частью «трилогии о странниках», включающей написанные ранее «Под осенней звездой» и «Странник играет под сурдинку». Трилогия объединена образом главного героя, Кнута Педерсена, носящего реальное имя самого Гамсуна. Указанные произведения характеризуются гомодиегетической нарратологической ситуацией, которая, однако, претерпевает изменения по мере движения текста. Это служит причиной интереса к фигуре повествователя и вариациям точек зрения, и с данных позиций и будет произведен анализ романа «Последняя отрада».

Проблема исследования текста, в котором нарратор совпадает с персонажем, обусловлена тем, что повествователь мыслится не как лицо, а как функция, однако функция, прикрепленная к актору, при условии, что персонаж как повествователь не будет совпадать с ним же, как с действующим лицом. Точка зрения, формально свойственная персонажу, приобретает смысл, свидетельствующий о ее принадлежности более осведомленному, нежели участник событий, лицу. При этом нарратор, будучи субъектом повествования в отношении героя, с ним совпадающего, является объектом изображения для автора-творца.

Понятие нарратора тесно связано с концепцией точки зрения, поскольку именно точка зрения обуславливает особенности отбора и способа презентации изображаемых событий. Французский теоретик литературы Цв. Тодоров определял соотношение между текстом и продуцируемым им миром, с одной стороны, и нарратором, – с другой, как проблему повествовательного залога, утверждая, что «в литературе мы всегда имеем дело не с событиями или фактами в их сыром виде, а с тем или иным изложением событий. Один и тот же факт, изложенный с двух разных точек зрения, — это уже два различных факта. Свойства любого объекта определяются той точкой зрения, с которой он нам преподносится» [Тодоров: 69].

В структурализме для обозначения точки зрения используется термин «фокализация». Ж. Женетт, выделяя категории фокализации, прежде всего, отмечал необходимость различения повествовательной модальности и повествовательного залога, разграничивая этим функции нарратора и точки зрения – «кто говорит» и «кто видит». Рассматривая категорию повествовательной модальности, Женетт вычленил высказывание с нулевой степенью фокализации, внутренней и внешней фокализацией. При этом в данной классификации выделяются разновидности фиксированной, переменной и множественной внутренней фокализацией, характеризующиеся фактором прикрепленности точки зрения к одному или нескольким персонажам [Женетт: 203–208].

Гомодиегетическое повествование в тексте анализируемого романа характеризуется постоянным смещением повествовательной перспективы. Несмотря на это, можно говорить о доминирующей персональной точке зрения диегетического нарратора, – данная модель выделена в типологии В. Шмида [Шмид: 122–125]. Тем не менее, временная дистанция между «я» персонажа и «я» повествователя (ретроспективное воспроизведение событий, мыслей, воспоминаний) порой чередуется совпадением нарратора с актором (форма настоящего времени глаголов) [Гамсун: 7–8, 44–48, 117].

Р. Ривара различает формы «я»-нарратора – героя-нарратора и текстуального нарратора – как два нарративных источника «я»-повествования. Их разграничением служит форма претерита, согласующаяся с местоимением 1-го лица. Нарратор истории психологически отличен от себя в прошлом и старается воспроизвести более или менее точно свою прежнюю точку зрения [Rivara: 104–105]. Таким образом, необходимо

различать повествователя (носителя репрезентирующей функции) и фокализатора (актера), которые фактически объединены в одном лице. В тексте анализируемого романа нарратор, представленный формой 1 лица, ретроспективно освещает события многолетней давности и, благодаря достоверности воспоминаний, создает иллюзию тождественности себя-актера и себя-повествователя. При этом в заключительной главе, приобретающей метанарративное значение, повествователь как бы развенчивает эту иллюзию, указывая на современные обстоятельства создания романа, и уже дистанцируется от своего героя, наделяя его функцией «голоса» для выражения «невысказанных мыслей».

Являясь не только наблюдателем, но и полноправным героем действия, нарратор неизбежно воспринимает окружающих его персонажей и действительность извне, являясь по отношению к ним субъектом фокализации. Когда же герой излагает события, свидетелем которых он не мог быть, он, оставаясь нарратором, передает функцию видения другому персонажу, таким образом, изложение, сохраняя своего нарратора, меняет фокализатора. В языковом плане такие случаи представлены как повествованием в форме косвенной речи, так и случаями несобственно-прямой речи.

Отдельно следует отметить употребление нарратором формы второго лица. Диалог с предполагаемым собеседником (это не будущий, а настоящий адресант нарратива, находящийся в одной временной плоскости с персонажем, а не с повествователем) подчеркивает вовлеченность субъекта второго лица в ситуацию текста, создавая иллюзию тождественности нарратора и актера. Повествование с точки зрения собеседника, характеризующееся формой второго лица, позволяет персонажу воспринимать себя как другого, но в то же время точка зрения субъекта второго лица полностью продуцируется нарратором. В заключительной же главе, носящей черты метанарратива, повествователь использует форму второго лица уже применительно к своему современному читателю, которому адресована вся изложенная история.

Литература.

Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М., 1998.

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). М. 1975. С. 37–112.

Шмид В. Нарратология. М., 2008.

Rivara, R. A Plea for Narrator-Centered Narratology // The Dynamics of Narrative Form / Ed. by J. Pier. Boston, New York, 2004. P. 90–109.